

ПЕРЕД ВЗГЛЯДОМ

*Я давно убит на той великой,
На своей единственной войне.*

Ф. Сухов

Никогда не буду я убитым
на своей единственной войне.
С именами мраморные плиты,
вечные огни — не обо мне.

Не терял я дорогих и близких,
никого не вынес из огня.
В том невероятно длинном списке —
в двадцать миллионов —
нет меня.

Я без них —
ни слова и ни шагу,
проверяю ими суть свою.
Я ведь тоже
в землю нашу лягу,
хоть ни разу не бывал в бою.

Мать-Отчизна,
если будет надо,
как они, пойду я на беду...
Потому, и умирая, взгляда
пред твоим
и я не отведу.

22 ИЮНЯ

Гуляет по июню тишина,
и хочется в ней тихо раствориться.
Спугнуть ее боятся даже птицы,
она у сердца самого слышна.

Приятно все:
и беззаботный смех,
и цветника пчелиного гуденье,
и леса непонятное волнение,
и облаков неторопливый бег.

Вот и опять встречать
придется мне
еще один неумолимый вечер.
Он — миг всего,
он, как и мы, — не вечен,
но потому и дорог мне вдвойне.

Погасший день, отмеченный трудом,
вольется в год,
который не окончен.
И этот год короче все, короче,
но главное, поверьте мне, —
не в том.

Гуляет по июню тишина.
О, только б нескончаемо
ей длиться!..
Мне вспомнились испуганные лица
и мамин крик,
не крик, а стон:
«Вой-на-а-а...»

ФРОНТОВИКИ

1

Превратна ты,
судьба фронтовиков.
Одни в своем преуспевают деле,
других, бывает,
держишь в черном теле —
без орденов,
без званий,
без чинов.

А может быть, за давностью годов
забыта кровь,
забыты мертвых лица?!

Иль, может, перестал уже
Нам сниться
горячий пепел сел и городов?!

Кто без руки,
кто без ноги,
без глаз
живут среди нас
бывалые солдаты,
что до конца исполнили приказ
и в первый год войны,
и в сорок пятом.
Все меньше, меньше их
день ото дня,
но ничего от Родины не просят...
Все так же из беды,
как из огня,
они друзей-фронтовиков выносят.

2

Он тридцать лет
в атаку не ходил
и за собою роты не водил.
Такой заметной стала седина,
а сам он стал
роднее и дороже.
«Фронтовики, наденьте ордена...» —
он без волнения
их надеть не может.
Отец дорог военных не забыл,
хоть тридцать лет
по ним не проходил.
Был каждый миг
на фронте ощутим,
где поражение —
за удачей следом...
Известно им,
известно только им,
какой ценой
досталась нам Победа.

НА ЗАДОНСКОМ ШОССЕ

У братских у могил
тревожней сердца стуки,
и никаких нет сил
забыть здесь о разлуке
со всеми, кто poleg
за Землю в землю эту,

чтоб я спокойно мог
ходить по белу свету.

Здесь тишина слышней,
становятся здесь чище,
здесь прошлое видней,
здесь выгод мы не ищем.
Здесь на закате дня
заря приспустит знамя...

У нас и у Огня
негаснущая память.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

Она зашлась,
как будто горе
ей не чужое, а свое.
И вот уже другая вторит,
и вот уже ведут вдвоем:

«Отходили резвы ноженьки,
отмахали белы рученьки,
отсмотрели очи ясные,
отсмеялись уста сахарны.
Глубока твоя могилушка,
без окошек домовинушка...»

А он лежал, лицом спокоен,
под темнотой закрытых век,
известный пахарь, бывший воин —
ну, в общем, русский человек.

Рыдали бабка и солдатка
среди незнакомых и родных...
Как нужно жить самим несладко,
чтоб так вот
плакать за других!